

Часть первая ИГНАЧ КРЕСТ. НАЧАЛО

Глава 1 БИТВА НА КАЛКЕ

Майский ветерок развевал многочисленные стяги русских князей и половецких ханов, что величаво сидели на «красном» помосте в своих дубовых резных креслах, специально по такому случаю доставленных в порубежный городок Заруб.

По бокам помоста стояли лучшие мужи в блестящих и сверкающих на солнце доспехах. Ещё дальше и вокруг всех расположилась старшая княжья гридь и ханская стража. Всё должно было показывать силу и величие союза Руси и половецкой степи. Страшен должен быть такой союз. Больше шестидесяти тысяч копий собрал он у Зарубского брода на реке Днепре.

Бойся и трепещи, враг!

Но перед помостом стояло всего три степных воина в простых стёганных халатах, подвязанных поясами, а на их обветренных лицах медного цвета не отражалось вообще никаких эмоций, кроме чувства собственного достоинства и спокойствия.

«Монголы, монголы», — шелестел шёпот по дальнему кругу, занятому дружинами русских

князей и половецких ханов. Каждому было любопытно взглянуть на тех воинов из дальних степей, что разбили столько сильных ратей и прошли грозой по многим странам, снискав себе славу непобедимых.

И вот они тут, стоят перед ними в качестве послов.

Старший из послов неторопливо оглядел двор, пробежав взглядом по лицам дружины. Затем не спеша оглядел сам помост с сидящими на нём и, выделив из всех киевского князя Мстислава, произнёс хриплым голосом, сильно коверкая слова:

— Князь урусский! Здравья тебе и все твои дети! И всем хоканам урусским, что видит мой глаз, — и уже дальше на половецком языке, тут же переводимом толмачами: — Я пришёл от великого Чингисхана послом к вам, с миром! Слыхали мы, что вы идёте против нас, послушавши половцев, а мы вашей земли не трогали, ни городов ваших, ни сёл ваших, не на вас пришли, но пришли по воле Божией на холопов и конюхов своих половцев. Вы возьмите с нами мир. Коли побегут к вам, так гоните от себя и забирайте их имение, мы слышали, что и вам они наделали много зла, мы их и за это бьём.

При этих словах вскинулись со своих кресел три присутствующих половецких хана и схватились за сабли, шипя что-то по-своему. Посол же как ни в чём не бывало продолжил:

— Половцы, как собаки, грызли вас, когда вы были слабы, сейчас же ползают у ног ваших и на нас призывают, когда сами свою слабость чувят. Нет таким доверия, отдайте их нам! И да не прольётся тогда кровь между нами.

Не привыкли князья, когда к ним так, без лести обращаются, вскружило голову осознание своей силы великой, и посекли монгольских послов тут же, прямо перед княжьем «красным» помостом.

Стоял Андрей, сотник дозорной сотни князя Мстислава Удатного, и не радовалось сердце его такой скорой расправе. Нет в том чести и доблести, как рубить безоружных послов. Ну да на то воля княжья, а он в ней всё равно не участник.

И уже через час со своей дозорной сотней «о три конь» с заводными уходил он по степи в сторону Олешья, порубежного городка, что стоял у самого устья Днепра.

Красиво и раздольно в степи весной. Радует глаз множество цветов, да захватывает дух от обильного разнотравья. Но некогда воинам любоваться на красоты степные. Дело дозорных — первыми обнаружить чужую угрозу, упредить врага, завязать его боем, задержать и сообщить о нём своему князю. Поэтому зорко вглядываются в безбрежную степь дружинные. Никакой балки или оврага не пропустят они без внимания. По всем древним курганам и холмам частым гребнем пройдут.

И уже через пять дней доложили Сотнику, что обнаружены головными ещё два монгольских посла, что сидят себе спокойно на кошме пологого кургана у пересохшей речки да кумыс там пьют.

— Что хотят послы? — спросил Андрей монголов.

— Вы послушали половцев и перебили послов наших, теперь идёте на нас, ну так идите, мы вас не трогали: над всеми нами Бог. Если и нас погубить хотите, то воля ваша. Мы же всё передали, что нам велено было, — и они застыли с каменными и невозмутимыми лицами.

«Да, отменно разведка монгольская работает, вести до них быстрее наших дозорных доходят!» — подумал Андрей.

— Я с безоружными не воюю, весть вашу князьям своим передам, ступайте же с миром, —

и Сотник отчертил стальным стилем по бересте послание князьям. — Всем разобратся по пятёркам, идём на Калку!

Двенадцать дней шло войско к этой степной реке. Два раза дозорные выводили на передовые монгольские отряды союзную рать. И ни один степной воин перед ней не дрогнул, все они как один полегли под копытами коней.

Хмурился Сотник: плохой враг пришёл из степи, сильные духом, спаянные железной дисциплиной да с отменной выучкой были эти воины. Трудно с теми воевать, кто совсем смерти не боится.

А вдвойне трудней, когда в твоём войске единства нет, и каждый князь или предводитель по-своему войну строить пытается да только о своей личной славе и добыче в итоге печётся.

Не за себя волновался Андрей, пожил уже, поди, повоевал с избытком.

В походе этом два сына у него шли — Василь, десятником стражи был у князя Мстислава Удатного, да Илюшка, пятнадцати лет, что в старших детских, в охране галичских ладей состоит. В тех, что идут по реке вместе с главным войском.

И вот за рекой Калкой наконец-то показалась основная монгольская рать.

В очередной раз устроили совет, как свой бой строить. И опять не было единства среди князей. Дружина Мстислава Черниговского встала по обе стороны от переправы, а Мстислав Киевский и вовсе повелел строить укреплённый лагерь на своей стороне да там всем быть и на месте врага ждать.

Но не согласились с ним остальные князья и пошли рысью, переправляясь бродом, галичане Мстислава Удатного, волынцы Даниила Романовича, Олег Курский со своими, да половецкие рати

под командой приставного воеводы Мстислава Яруна.

Андрей со своей сотней шёл наёмом рядом с личной охраной Мстислава Удатного. Князь, как и всегда, летел на врага, словно ястреб, грозный и бесстрашный, а в вытянутой правой руке виднелось его любимое оружие — огромный боевой топор.

Вот защёлкали тетивы грозного степного оружия сложносоставных луков. И покатались в выбитый копытами ковыль первые сбитые стрелами воины.

Голову ниже к холке! И вот около самого виска свистнула очередная оперённая смерть! Сам тоже на полном скаку успел послать во врага одну за другой три стрелы. И вот уже сошлись в поединке две встречные конные лавы.

Сшибка конницы — это как удар молнии!

Со всех сторон слышно ржание коней, посмертный хрип сотен глоток, звон и свист клинков.

Вот высокий и скуластый монгол хлещет боковым в шею. Отбить клинок, и с обратного хвата ответный удар степняку в плечо! Вокруг ударил алой кровью фонтан из обрубка руки.

Жеребец отпрянул резко в сторону, и по шлему Андрея вскользь ударила кривая сабля, всё же распоров в своём нижнем ходе плечевую сталь защиты. Он понимал, что второй удар врага будет уже точен! И, не успевая развернуться навстречу напавшему сзади, Андрей вдруг увидел, как из груди его соперника вырвалось острое жало копья.

— Держись, Сотник! — и к нему подскочил его дружок Филат.

— Спасибо, брат, вовремя ты! Выручил!

И снова в бой.

Удар! Отбой! Снова удар! Прямым хлёстом в грудь! Булат на глазах вскрывает кольчугу и прячущиеся за ним кости с хрящами и плотью только

что бывшего живым человека, а степной воин уже валится замертво под ноги его коня.

Их лава как сквозь масло прошла через ряды противника!

Ура! Враг дрогнул, он бежит!

Где-то впереди в монгольской ставке ревели трубы и гремели барабаны. И вот один, второй, сотня, другая монгольских воинов развернули коней и, настёгивая их, бросились из сечи прочь, а половцы с русскими дружинами уходили за ними в погоню.

И вдруг, когда, казалось бы, победа была уже в руках, неожиданно по левую руку, там, где шли половецкие тысячи, раздался дикий многоголосый рёв и шум ожесточённой битвы. И по правую руку, чуть позже — такой же.

Неожиданно половецкие рати сделали резкий разворот, повернув к реке вспять, они сминали и расстраивали на своём пути русские черниговские полки.

Мстислав Удатный сделал единственное, что было можно в этот момент!

Он резко развернул центр своего удара навстречу прорвавшимся с левой руки основным монгольским силам их правого крыла атаки.

— Сотня, за мной! — бросил коня вслед за князем Андрей. И снова конные рати противников сошлись в жестокой рубке.

Первый удар отбит, за ним второй, третий!

Сотник подловил на замахе коренастого, с медными волосами всадника, и хлёстом клинка рассёк ему бок. И тут же резкий удар стрелы в правое бедро заставил его стиснуть зубы. Снова удар, только теперь уже копьё, распорол броню слева.

Хруст... затрещали рёбра под напором стали. В глазах потемнело, и Андрея повело вбок.

Дальше сознание частями возвращалось, бросая в окутанную болью и шумом реальность, и затем снова гасло. Сотник же только и видел, как между сном и явью его вывозит галопом на своём гнедом жеребце старший сын Василько. А с боков, отчаянно отбиваясь от наседающих монголов, прикрывают их, отступая, ребята его элитной дозорной сотни. И падают, падают, падают они под ударами кривых сабель и оперённых стрел!

От берега Калки уже спешно отчаливали челны галичан, и буквально в последний, отчаянно удерживаемый средним сыном Илюхой, его-то и успели внести на щите.

А на берегу всё кипела жестокая сеча! И было видно, что монголы всюду одолевают русскую рать.

Ну а половцев, тех уже и след простыл.

И снова в ушах этот рёв труб и шум барабанов — бум-бум-бум, бум-бум-бум, бум-бум-бум!

Три недели гребли непрестанно на челнах, сменяя друг друга!

Лишь бы подальше уйти от преследователей, что скакали по берегам реки и пускали в них стрелы.

Всё это время Андрей находился между жизнью и смертью и выжил, наверное, только лишь благодаря непрестанной заботе своих сыновей и верных боевых товарищей. Да и не всё ещё сделал, видать, в этой земной жизни пока что наш сотник Андрей!

Ну а русская рать полегла почти вся в той жестокой битве. Из десяти воинов только один смог домой возвратиться. Погибло двенадцать и выжило только девять князей, участвовавших в походе!

Отступающих монголы преследовали многие дни пути и избивали их всех нещадно.

Страшная участь ждала тех князей и воинов, что укрылись вместе с войском Киевского князя Мстислава в укрепленном лагере. Войском, не поддержавшим своих товарищей в недавней битве и поверившим обещаниям степняков.

Сами монголы же пообещали не проливать кровь русских князей, сдавшихся на их милость. Слово своё они формально сдержали и удавили всех их насмерть, пируя на них сверху, разместившись на тяжелых настилах из досок. Простых же воинов по большей части посекали насмерть сразу, ничуть с ними не церемонясь. Мало кого из них взяли в рабство, что, возможно-то, и похуже даже самой смерти будет.

Но всего этого Сотник тогда ещё не знал. Ему предстоял путь домой и долгое восстановление от полученных в той злосчастной битве ран.

Глава 2

КРЕСТ

Где-то тут, совсем рядом, если верить навигатору, он и должен был находиться.

Проехать почти двести километров в сторону Торжка да пройти со спиннингом не один десяток по весьма порожистой речке Полонети и её притокам и не побывать у легендарного Игнач Креста? Нет! Такого Андрей позволить себе точно не мог. Детская, или даже скорее юношеская мечта быть археологом, ну или на худой конец — школьным учителем истории, географии, хоть и не реализованная в реальности, а внимания ко всякой старине требовала стабильно. Ну а уж тут, на Новгородчине, хватало её, этой самой старины, с избытком!

Вот и тащился Андрей по оврагам да по коряжнику навстречу этой вот самой истории.

Именно тут, в этих самых лесах и болотах, почти восемь веков назад прекратила свой бег всеокрушающая монгольская конница. «Бич Божий», как называли её современники. Залившая кровью и выжегшая перед этим весь восток Древней Руси. Порубившая многие десятки городов, сотни селищ и деревень. Порубившая под корень многие русские рати и разорившая не одно княжество.

Впереди ещё одна земля «урусов» — Новгород! С его златоглавыми куполами Святой Софии, погостами, набитыми дорогими мехами. Златом и серебром богатых купеческих подворий. Да белоликими стройными северянками с их удивительными, небесной сини глазами, что так ценятся всеми, кто только понимает толк в женской красоте. Ну и, разумеется, с нетерпением ждёт их на невольничьих рынках Кафы.

Неделя! Хорошо, десять дней, учитывая всю хлябь местных путей, которые и дорогами-то не назвать, и Новгород падёт под свист стрел и сабель непобедимых степных воинов. Нет силы, способной остановить эту стремительную и всеокрушающую армию, что построил сам великий Чингисхан!

И вдруг! Когда цель так близка, тумены Батыя вдруг делают резкий разворот и уходят на юг. Прочь от новгородских земель!

Что это? Страх перед новгородской ратью, усталость от длительных переходов по дремучим северным лесам да болотам? Или ещё какое-то необъяснимое чудо?

В любом случае первые две причины — это явно не про монголов! Их трудностями да опасностями было не запугать. В себе они, скованные железной дисциплиной и привыкшие к победам, были тогда более чем уверены. Тут явно чувствовалась какая-то загадка. А как известно, всё загадочное манит.

И Андрей, поправив на плечах рюкзак, зашагал туда, куда указывала стрелка походного компаса. По его прикидкам, осталось пройти вот этот поросший со-сняком холмик да видневшийся внизу меж деревьев небольшой овражек. А метров через триста или пять-сот он и будет, как показывает это сам навигатор.

Выйдя на край оврага и не успев затормозить, Андрей почувствовал, как почва из-под его ног резко уходит. Его же самого с кустом орешника бросило на дно оврага со всей этой массой глинистой породы, сорванной обвалом с места.

А ведь, похоже, что этот самый куст его-то сейчас и спас...

Не будь его, накрыло бы с головой оползнем — и нет человека! А так лещина выступила в качестве того самого островка стабильности, связав между собой все части породы. Да и спружинила она изрядно под весом незадачливого путешественника.

Тем не менее сам удар был очень сильным. Боле-ла и слегка кружилась голова. Саднило руки, спину и всё, что было ниже этой вот самой спины.

Но, как говорится, могло быть и хуже!

«Главное, что жив, и, похоже, что даже обошлось без переломов и вывихов», — подумал Андрей и стал кряхтя да постанывая медленно подниматься на ноги с осыпи, попутно стряхивая с себя песок и глину.

«Так, а с навигатором я, похоже, распрощался...»

Тот лежал у большого, с две головы, валуна и красовался разбитым вдреизг корпусом и дисплеем. Сам же рюкзак был на месте. А вот спиннинга, что был с ним весь этот поход, не наблюдалось вовсе. Видимо он был погребён под многотонной массой ополз-ня, и достать его уже не было никакой возможности.

Осматривая низ оврага и само место падения, Ан-дрей почувствовал, что «зацепил» что-то боковым зрением. Он развернулся, кряхтя, и... остолбенел!

На обрушившемся склоне белел необычной формы камень. Да нет, не камень! Это был каменище!

И, похоже, что открылся он именно этой вот самой осыпью, только что им тут и устроенной.

Всматриваясь, Андрей вдруг начал понимать, что это не простой природный валун! Ну не может у простого камня быть такая сложная и необычная форма. Из земли явно выступала рукотворная геометрическая фигура в виде горизонтальной и вертикальной плоскостей, и похоже всё это было... на самый верх креста! Да, именно креста!

Поднявшись по склону и взглядевшись, Андрей различил на светлом камне следы от обработки. Было заметно, что в своё время этот камень обтёсывали и тщательно шлифовали. Вверх от горизонтальной поперечины выходила и вертикальная, а высотой она была где-то около полутора метров, ну, или чуть больше того. Длина же самой горизонтальной была где-то около трёх. Труда не составило прикинуть, что внизу, под толщей глины, скрывается примерно такая же часть конструкции. Ну а у самого основания, может быть, и ещё что-то есть. На что-то же опирается и на всём этом держится вот это колоссальное и рукотворное сооружение?

— Будем копать!

Охваченный любопытством, Андрей ни на минуту не усомнился в своих действиях. Найти старинный артефакт и не постараться раскрыть всю эту тему?! Нет, это было явно не про него!

Поэтому рюкзак с плеч! С бокового крепления достаём походную МСЛ, то бишь в переводе с армейского малую сапёрную лопату. И за работу! Ибо солнце ещё высоко, и до ночных сумерек часов эдак пять или даже шесть у него точно есть.

Охваченный жаждой деятельности, Андрей даже и не заметил, как пролетели вот эти самые часы. Зато